

С одной стороны, языки в моей семье играют важную роль, можно даже сказать судьбоносную, языки являются источником моих доходов, с другой же стороны, в повседневности мы не акцентируем на них свое внимание и переключаемся с одного языка на другой, не замечая этого, для нас, как и для очень многих «смешанных» семей, такой вид коммуникации является обычным делом. Я говорю на удмуртском и русском языках на уровне родного, а также в совершенстве владею венгерским. В современном мире невозможно обойтись без английского, и я говорю на нем на среднем уровне. Родным языком моего мужа является венгерский, также он разговаривает на продвинутом английском и хорошо владеет русским. По-удмуртски знает только несколько слов и фраз. Друг с другом мы общаемся на венгерском языке. Когда мы с мужем стали планировать детей, вопрос о двуязычии не обсуждался, т. к. для нас было очевидным и естественным, что наш ребенок будет говорить на двух языках: удмуртском и венгерском. Я благодарна своему мужу за то, что он не стал отдавать предпочтение русскому языку и посчитал роль удмуртской культуры в жизни своих детей не менее важным. В настоящее время в силу служебных обязанностей мы проживаем в Москве, и из-за этого «внешним, уличным» языком, а также основным языком СМИ и медиа, с которыми мы сталкиваемся изо дня в день, является русский.

Мне очень хотелось бы увидеть психолингвистические исследования среди удмуртских родителей, которые говорят со своими детьми на русском. Любопытно услышать их откровения о своих первых словах на русском языке, обращенных к малышу. Что ощущают мама или папа, доминирующим родным языком которых является удмуртский и которых родители ласково звали «дыдые, пие, пичие», кто вырос на стихах А. Клабукова и Г. Ходырева, называя своего малыша «мое солнышко» вместо «мынам пичи шундые»? Наверное, не зря многие родители, а также бабушки и дедушки своих обрусевших детей зовут «нылы, пие», ведь это самые родные, святые слова, которых не передать на другом языке.

Никаких новых открытий своим семейным двуязычием мы не делаем: просто каждый из нас говорит с ребенком на родном языке: я – по-удмуртски, муж – по-венгерски, т. е. у нас есть «мамин» и «папин» язык. Конечно, скорее всего, рано или поздно будут трудности из-за того, что с мужем мы говорим по-венгерски, т. е. ребенок очень быстро поймет, что со мной тоже можно говорить на «папином» языке. Когда я задумываюсь о передаче своего родного языка ребенку, я очень завидую тем удмуртским семьям, которые живут в Удмуртии, ведь несмотря на вытеснение, второстепенное положение национального языка, возможностей для общения там в

разы больше. И самое главное, это живое общение, которое не заменят радио, телевизор и скайп. Конечно, меня настораживает, пугает современное отношение к удмуртскому языку и не скрою, что порой я задумываюсь, а правильно ли я поступаю, так ли нужно обучать ребенка языку, у которого очень туманное будущее? Как моя дочь будет общаться со своими двоюродными, троюродными братьями и сестрами? В то же время положительные примеры других семей наполняют меня оптимизмом. Через несколько лет мы переедем в Венгрию, и «внешним» языком моего ребенка станет венгерский. Таким образом, язык в ее понимании разделится не только на 2 персоны – мама и папа – но и на 2 страны – Венгрия и Удмуртия. Очевидно, с венгерским языком будет трудно конкурировать, единственным преимуществом удмуртского языка, наверное, будет прежде всего тот факт, что я по объективным причинам буду проводить со своим ребенком намного больше времени, чем папа. В любом случае, выбор доминирующего языка остается за ребенком. О значении русского языка в жизни дочери пока затрудняюсь ответить, все зависит от того, на какое время мы останемся в России.

Для меня психологически очень важно, на каком языке я в первый раз заговорила с тем или иным человеком. К примеру, с хорошо известной среди удмуртов Жужанной Шаланки я всегда говорю по-удмуртски, так как много лет назад с нами, первыми удмуртскими студентами в университете им. Лоранда Этвеша на Кафедре финно-угроведения, она начала говорить на удмуртском. Даже зная, что моему мужу нужна практика русского языка, я не могу говорить с ним по-русски, т. к. мы всегда общались на венгерском. Конечно, объяснения некоторых слов и фраз, а также помощь в написании различных текстов на русском языке имеет место быть в нашей жизни.

Пока я не занималась штудированием литературы по билингвизму, за исключением каких-либо популярных статей и интервью, однако опыт других родителей для меня интересен. С большим удовольствием читаю об опыте воспитания детей-билингвов и трилингвов эстонских удмуртов, а также слежу за новостями блога Ольги Игнатьевой, воспитывающих дочерей в удмуртско-венгерско-немецкой языковой среде. Хотелось бы также узнать о проблемах в данной области и их возможных решениях, о «хитростях» их преодоления от других удмуртов, живущих за рубежом.

Верю, что наступит то время, когда моя дочь оценит знание родного языка своей матери, ставшей и для нее родным.